

За этим городом стоят века, охраняя, подобно мощным крепостным сооружениям, его сокровища. Хороши и оригинальны его архитектурные ансамбли. Что и говорить о зоологическом саде — он известен во всем мире, как, впрочем, и музей навигации. Но в этих заметках хочется сосредоточиться на одной лишь антверпенской достопримечательности, ради которой стоит избежать соблазна и не распространяться ни о чем другом. Я имею в виду дом, или, если желаете, особняк, в котором большую часть своей жизни провел и скончался Петер Пауль Рубенс.

Создания его волшебной кисти хранятся во многих музеях мира, в том числе и в нашем Эрмитаже. В Дрезденской галерее, мюнхенской Старой пинакотеке, мадридском дворце Прадо, в Вене (там — знаменитая «Шубка»), во многих государственных и частных собраниях. Он расписывал дворцы европейских монархов: галерея Медичи во Франции, Банкетинг-хаус в Англии. Написал алтарные композиции для капеллы св. Елены в римской церкви св. Креста Иерусалимского. Есть полотна Рубенса в собрании герцога Ришелье. Но все же искусство Рубенса больше всего представлено именно в Антверпене. Город озарен именем Петра Пауля Рубенса...

Передо мной заветный дом. Каменные ворота, выходящие на улицу тремя широкими пролетами, соединили два здания — двух- и трехэтажное. На столбах установлены статуи и массивные вазы. Все добротно и внушительно: двери, стены, мощный булыжником двор, ступеньки крыльца, арки из дуба. Архитектура Фландрии семнадцатого века.

После кончины художника немало состоятельных людей пытались приобрести палаты, где жил и трудился Рубенс, где сохранились его личные вещи, студия со множеством картин, садик-двор, по которому он любил прогуливаться. Одному из них удалось заполучить особняк: в нем поселился Уильям Кавендиш, дьюк Ньюкастльский.

Однако патриотизм бельгийцев давал о себе знать, и городские власти Антверпена вели упорную борьбу за обладание домом Рубенса. Добрым словом следует вспомнить усилия по созданию рубенсовского центра, по собирательству материалов, связанных с художником, со стороны известного деятеля бельгийского и мирового социалистического движения Камилла Гюисманса. Лишь в тридцатых годах нашего столетия именитые поселенцы из Англии наконец-то покинули жилище и оно стало достоянием города. Были произведены дорогостоящие реставрационные работы. Так появился нынешний музей.

Мой гид, служащий музея, сообщил, что число посетителей в год составляет 50—60 тысяч. В Антверпене действует общество «Друзья дома Рубенса». Его стараниями музей, хотя и редко, но пополняется отысканными и выкупленными картинами Рубенса. Вот и теперь ведут переписку с одним американцем: он обладает подлинником Рубенса. Таких, как этот американец, — считанные единицы, но все они известны и руководители музея полагают, что рано или поздно, а частное, разбросанное, порой даже скрывающееся станет собственностью Антверпена, Бельгии.

Посетителям предоставлена возможность неторопливого осмотра и, что особенно приятно, без толпы. Экскурсовод обращается не к десяткам людей и не шпарит заученными фразами, а рядом с тобой стоит у одного произведения и объясняет какую-то одну деталь.

В особняке тесно переплелись искусство и быт, что позволяет приобщиться к художнику с двух сторон. Известно, что в жизни Рубенса не было капли того, что называется богемией. Схоронив первую жену Изабеллу Брант, он в 53 года женился на шестнадцатилетней Елене Фоурмент, оставив по-рубенсовски столь же изысканное, как и откровенное, объяснение: «Я решил жениться вторично, ибо не считаю себя достаточно зрелым для воздержания и безбрачия».

В этом особняке от второго брака появилось на свет четверо детей: Констанция Альбертина родилась уже после смерти отца, и ей, пятой, пришлось на руках матери участвовать в похоронной процессии от своего дома до собора святого Якоба, где покоится прах великого фламандца. Цветущая, пышущая здоровьем Фоурмент увековечена не только в портретах: ее лицо, ее пленительные глаза, ее фигура присутствуют в бесчисленных картинах. Какая щедрая дань любви! (В качестве информации, а отнюдь не упрека, сообщим, что она, Елена Фоурмент, спустя пять лет после кончины супруга вы-

шла замуж за барона Бергейка, знатного, богатого, но совершенно заурядного человека).

И всюду царит дух искусства, виден вкус хозяина. В спальне — деревянная кровать с деревянными ступеньками к ней. В шкафах — шкатулки, где хранились документы и деньги. Внушительные сундуки для белья. Рядом — кухня в старом фламандском стиле, что значит: сработано на века. Дубовые доски в ладонь толщиной. Добротная, красивая посуда.

Рубенс любил украшать комнаты произведениями своих друзей. В спальне висит картина Йордана «Мозес и его эфиопская жена». Полотно «Смерть ребенка» принадлежит кисти Матиса Ван ден Верге, а висящая в соседней комнате картина «Последний ужин» подарена учителем Рубенса Адамом ван Ноортом.

Остановившись в студии около картины «Благовещение», я услышал от куратора музея объяснение:

— Это полотно нам удалось взять на временное пользование. Владелец живет в Брюсселе. Естественно, мы заплатили ему приличные деньги. Берем на себя расходы по найму детективов во время перевозки картин. Да, да, месье, стыдно ска-

зать, что в цивилизованном обществе процветает воровство полотен! Мы продолжаем поиски всего, что связано с деятельностью Рубенса.

В саду, во внутреннем дворике, сохранился павильон, где Рубенс выставлял только что оконченные картины. Из Италии он вывез статуи богов, полководцев, философов. Во весь рост стоит Геркулес. Около входа в студию установлен бюст Сенеки. Расставлены фигуры сатиров. Все дышит мощью, преизбытком жизненных сил, все физически крепко и улыбочиво-радостно. И все связано с человеком, его жизнью. Небольшая статуэтка «Адам и Ева», сделанная из слоновой кости, переносит в область мифологии о начале человеческого рода.

Вот отсюда шедевры «Гомера живописи», как величал его Делакруа, боготворивший Рубенса, вывозились и расходились во все концы света. Сюда слали специальные гонцов, фельдъегерей из Мадрида, Лондона, Рима, Парижа с рекомендательными, любезными письмами коронованных особ, баронов, герцогов, кюрфюрстов, наследников престолов, чтобы успеть приобрести хоть что-нибудь, созданное какими-то нечеловеческими руками Рубенса. Мемуаристы рассказывают, что его ученик Ван Дейк приходил сюда с моделью изящных рук, вылепленных из воска. Символ. Гимн работающей и «думающей» руке.

Здесь, у полотен Рубенса, в атмосфере его творчества, вспоминаются и мраморная «Рука бога» Августа Родэна, и две высеченные из камня кисти под названием «Кафедрал», вытянутые, сходящиеся на какой-то мысли, готовые ласкать и гнать, работать и отдыхать, создавать и разрушать, смотреть в прошлое и будущее. Руки, способные воздвигнуть кафедральный собор. Песнопение феноменальным способностям человеческой руки.

У Рубенса всю жизнь была гениальная рука — без спада мастерства, уровня художественности. Исследователи ставят одни его картины выше других, что вполне естественно, но колебания допускаются в рамках гениальности.

Труженик он был образцовый. Поразительная результативность, плодотворность: вот из этого особняка вынесено свыше двух тысяч полотен! Говорят, что он не знал, что такое утомление, и причислял это ощущение к разновидности человеческого воображения. Хотя нетрудно предположить, что наверняка уставал, ежедневно приступая к работе в четыре часа утра. С автопортрета, писанного в Виндзоре, на нас смотрит явно утомленный человек. В один день написана большая картина «Причашение Франциска Асизского». На огромном полотне «Битвы с амазонками» свыше сотни человеческих фигур. В доме две мастерские — на первом и втором этажах. Он одновременно работал над шестью, восемью или даже десятью полотнами!

Правда, он был и работодателем. Его осаждала молодежь из местной гильдии живописцев, где когда-то учился и он сам. Рисовать с Рубенсом хотели все — хоть что-нибудь, выполнить пусть и малейшее, но рубенсовское поручение, покорпеть несколько часов под его надзором, полу-

● Автопортрет с Изабеллой Брант (фрагмент).

ОН УШЕЛ ВО ВРЕМЯ ПРИЛИВА...

Николай ХОХЛОВ

читать его совет, увидеть, как он накладывает мазки, что поправляет, бракует и что создает заново. И он великодушно допускал всех, жаждавших, если так можно выразиться, сокистия. Поэтому встречаются вещи с пометками Рубенса: «пройдена мной», «подправлена моей кистью». В картине «Прометей, прикованный к горе Кавказ», орел нарисован его учеником Снейдерсом.

Эжен Фромонтэн в своем исследовании «Старинные мастера» писал о Рубенсе: «Жизнь его вся палило, без смущающих облаков. Она вся в ярком свете. Это день в разгаре. Загадочно и нем лишь одно: тайна безграничной плодотворности... Он творил так, как дерево приносит плоды, без усилия, без напряжения».

ОДНО ВРЕМЯ он брался за выполнение сложных дипломатических поручений: искусно вел переговоры между Мадридом и Лондоном, завершив их миром. Английский король в парламенте вручил Рубенсу собственную шпагу и кольцо с

● «Возчики камней» (фрагмент).

бриллиантами со своей руки, бриллиантовую цепь, возвел Рубенса в рыцарское звание.

Но почести не вскружили ему голову: он знал подлинную цену политическим деятелям и правителям, называя их в частных письмах юнцами. И поделом! Европу называли тогда несчастной: войны то и дело вспыхивали во всех концах материка. Эпидемии косили народ. Антверпен переживал нашествие испанских войск, видел террор, вспыхнувшие религиозные войны. В картине «Следствие войны» Рубенс изобразил Европу той поры в виде убитой горем женщины в граурной одежде. Это обвинение художника, как бы перенесение на полотно его же слов: «Я возненавидел дворы».

Он много ездил по европейским странам: его имя, его кисть, ум и блестящая образованность, возрожденческая натура, энциклопедизм в познании истории, завидная осведомленность обо всех перипетиях в правящих дворах, о способности к интригам тех или иных правителей — все это давало ему высокое положение своеобразного арбитра, желанного собеседника, советника не только по вопросам, связанным с искусством, но и по части внешней политики, дипломатии, методов управления государством. Его появление в европейских столицах всегда превращалось в приметное событие. Он умел как-то ладить с монархами, оставаясь самим собой, независимым и оригинально мыслящим. Будучи при дворах, он был далек от придворности.

Уходя от политико-дипломатических поручений, которые были так сложны при

высок ростом, красив, румян, отличался приятным нравом и благородными манерами, величественными и мягкими одновременно. Одевался он изящно, обычно носил на шею золотую цепь и любил скакать по городу верхом, подобно другим дворянам и знатым людям. Всеми этими обычаями Рубенс высоко держал во Фландрии благородное звание художника».

При себе держал тещу, выплачивая ему приличное жалованье: Рубенс работал над очередной картиной, а тот читал Плутарха, Сенеку, Тита Ливия. Рубенс свободно писал по-латыни, знал греческую и римскую классику. Не отвлекаясь от полотна, диктовал письма, наполненные умом и изысканностью, они по праву принадлежат национальной литературе. Недаром они изданы у нас в переводе Анны Ахматовой.

Здесь же в мастерской принимал посетителей. Картины его раскупались, золото текло к нему, а он почти не употреблял вина, был непритязателен в пище. Ходил пешком на берег Шельды: в порту трудился африканско-грузчиком. В так называемой Большой студии выставлено полотно «Король Эфиопии», а в Королевском музее изящных искусств в Брюсселе находится набросок «Головы негров». В картине «Вирсавия» изображена прислуга-африканка. Все это свидетельство того, что Рубенс интересовался народом малоизвестной тогда Африки.

Его осаждали коллекционеры не только художественных полотен: его уникальный набор резных камней приобрел после длительных переговоров король Испании. Слыл антикваром. Прекрасно зная латинскую литературу, он тщательно собирал, приобретал где только можно, не скупясь на баснословные цены, фолианты латинских поэтов. Современники отмечали изысканность и великолепие его итальянского языка: обширная библиотека итальянских классиков служил подтверждением и этой его увлеченности. Делал рисунки для титульных листов книг, которые издавал прославленный типограф того времени Плантен-Морет. Увлекался архитектурой: к нему приходили за советом зодчие Антверпена и других городов Бельгии и Голландии.

В любой книге о Рубенсе часто повторяются оценки: великодушный, блистательный, гениальный колорист и выражения: «к его краскам примешана его кровь», «на его полотнах — живой трепет плоти» и тому подобное. А сам Рубенс заботился лишь об одном, чтобы шла работа, не останавливаясь ни на один день. Он не говорил — как рисую, а — сколько часов просиживаю в мастерской. «Мой талант таков, — писал он, — что, как бы огромна ни была работа по количеству и качеству сюжетов, она еще ни разу не превзошла моих сил».

Когда в 1977 году в Бельгии и во всех странах мира, по программе ЮНЕСКО, отмечался юбилей, посвященный 400-летию со дня рождения Рубенса, в Антверпене состоялся торжество, которые включали фестивальное шествие: костюмы участников были исполнены в стиле эпохи, когда жил и творил Рубенс. А на одном из щитов были нарисованы руки художника.

Он скончался в 1640 году. Перед его гробом на черной бархатной подушке несли золотую корону: с такими почестями в Антверпене никого не хоронили — ни до, ни после. И могила художника находится перед самым алтарем собора. Подчеркнем: перед алтарем! И на стене — не образы святых, а его картина «Святые семейство».

Выражение «в последний путь» как-то не идет к нему: он не ушел, а вошел в вечность. «Судьба и я — мы испытали друг друга», — говорил Рубенс. Слава же его испытана и отлита прошедшими столетиями.

Кажется, что сам «роскошный, великодушный Рубенс», как его чтили еще при жизни, сознательно или подсознательно предугадывал свое место в будущем, свое значение в мировом искусстве. Его миссия — общечеловеческая: как никто другой из его великих земляков по славно и героической Фландрии, он далеко шагнул за рамки не только фламандской живописи. Вот почему вполне оправданно звучит мотив надежды на всеобщее признание, высказанный Рубенсом: «Я почти уверен, что буду повсюду желанным гостем».

— Нет, весь я не умру...

Стихи А. С. Пушкина. Проза Рубенса.

А чувства и мысли одинаковы, и высказывание их не служит упреком в нескромности. Читатель спустя столетия воспринимает откровение творца как свою собственную оценку: это совпадение и есть вернейший признак достойной увенчанности гениев.

АНТВЕРПЕН — МОСКВА.